

полития

О.Ю.Малинова

ПАМЯТЬ О КРИЗИСЕ 1993 ГОДА И РОЖДЕНИИ РОССИЙСКОЙ КОНСТИТУЦИИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ 2000–2010-Х ГОДОВ¹

¹ В статье представлены результаты исследования № 20-01-058, проводимого в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета „Высшая школа экономики“ (НИУ ВШЭ)» в 2020–2021 гг., а также Проекта государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5-100».

Ольга Юрьевна Малинова — доктор философских наук, профессор департамента политики и управления факультета социальных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», главный научный сотрудник ИНИОН РАН. Для связи с автором: omalinova@hse.ru.

Аннотация. Статья является продолжением проекта, посвященного конструированию смысловых рамок памяти о «девяностых» в российском политическом дискурсе. В ней рассматривается один из наиболее драматических моментов в истории постсоветской трансформации — кризис 1993 г., итогом которого стала Конституция, формально действующая до сих пор. Автор исследует процесс конструирования смысловых рамок памяти о событиях 1993 г., анализируя публикации федеральных печатных СМИ в постельцинский период. В центре ее внимания три узловые точки, отражающие разные этапы развития российской политики, — десятая, двадцатая и двадцать пятая годовщины кризиса, что позволяет проследить эволюцию выявленных нарративов.

Проведенный анализ свидетельствует о заметном изменении официального дискурса с приходом В.Путина на пост президента — предложенные Б.Ельциным нарративы о победе реформаторов над противниками реформ и о подавлении вооруженного мятежа / предотвращении гражданской войны оказались отброшены, а основное внимание перенесено на Конституцию как «исторический выбор российского народа». Вместе с тем драматические события 1993 г. используются Путиным, чтобы оттенить нынешнюю «стабильность», которая полагается главным достижением его правления. Нарративы, артикулируемые коммунистами и другими «носителями» памяти защитников Белого дома, не претерпели значимых изменений. По мнению автора, такая устойчивость символических конструкций объясняется тем, что в данном идеологическом сегменте события 1993 г. выступают в качестве «мифа основания» путинского режима. В дискурсе либералов критические версии нарратива о кризисе со временем вытеснили апологетические. Тенденция к сближению нарративов либералов и коммунистов в том,

что касается последствий кризиса (но не его причин и оценок действующих лиц), особенно отчетливо проявилась в последние годы. Однако это не снимает символического конфликта, который играет существенную роль в конструировании их политических идентичностей.

Ключевые слова: коллективная память, политический нарратив, политический кризис 1993 г., Конституция РФ, коммунисты, либералы

Память о начальном периоде постсоветского транзита в России играет заметную роль в легитимации правящего режима и проводимой им политики, формировании идентичностей современных политических сил и отношения граждан к идее дальнейших реформ. Согласно теориям социальной памяти, представления о такого рода процессах, даже если они опираются на личные воспоминания, складываются с опорой на нарративы, символы и образы, вырабатываемые в социально доступных дискурсах, в том числе медиатизированных². Политики, журналисты и документалисты начинают интерпретировать значимые события прошлого задолго до того, как они оказываются объектами внимания историков. Настоящая статья является продолжением проекта, посвященного конструированию смысловых рамок памяти о «девяностых» в российском политическом дискурсе³. Она сосредоточена на анализе публичных дискурсов об одном из самых драматических эпизодов российского транзита — политическом кризисе осени 1993 г., итогом которого стала Конституция, формально действующая до сих пор. Эволюция соперничающих нарративов об этих событиях важна не только с точки зрения памяти о «девяностых»; обращение к ней позволяет лучше понять особенности идентификации и самоидентификации политических сил в современной России.

Как известно, кульминацией конфликта между президентом Борисом Ельциным и Верховным Советом был штурм Дома Советов (Белого дома) 4 октября 1993 г. и арест его защитников. Конфликт по поводу начавшихся в январе 1992 г. экономических реформ и разработки новой Конституции назревал в течение нескольких месяцев. Президентский указ № 1400 от 21 сентября, прекращавший полномочия Верховного Совета и Съезда народных депутатов и объявлявший о проведении в декабре выборов в новый двухпалатный парламент, спровоцировал его эскалацию, которая и привела к драматической развязке. 12 декабря состоялись референдум о принятии новой Конституции и выборы в Государственную Думу и Совет Федерации. Таким образом произошло переустройство политической системы, которая, пусть и не без изменений, просуществовала до 2020 г., когда «общенародное голосование» легитимировало большой пакет конституционных поправок, предложенных Владимиром Путиным.

Эти события следовало бы рассматривать как определяющий момент в истории новой России. Однако по понятным причинам они не

² *Полезную таксономию, позволяющую анализировать взаимодействия разных форматов социальной памяти, см. Ассман 2014: 20–58.*

³ *См. Малинова 2018, 2019, 2020; Malinova 2020.*

⁴ Schöpflin 1997: 33.

могли стать «мифом основания» (foundation myth), то есть «повестью о начале» (группы, политической системы, какой-то области деятельности), открывающей перспективу определенного будущего⁴, — во всяком случае, официально. С одной стороны, попытки представить конфликт между законно избранными ветвями власти как борьбу с врагами демократии изначально выглядели не слишком правдоподобно. Хотя победители и использовали такую интерпретацию для оправдания собственных действий, ее не стремились закрепить в памятных (коммеморативных) практиках. День референдума, 12 декабря, стал Днем Конституции, но обстоятельства ее принятия не могли служить поводом для искреннего торжества. С другой стороны, у проигравших были и резоны, и ресурсы для конструирования эффективного контрмифа. Неудивительно, что символический конфликт по поводу интерпретации событий 1993 г. продолжается по сей день. Споры о том, что это было, возобновляются каждую осень, особенно накануне круглых дат. Отсутствие согласия очевидно уже на уровне терминологии: то, что для одних является «подавлением вооруженного мятежа», подготовленного с целью «установления в России кровавой коммуно-фашистской диктатуры»⁵, другие рассматривают как расстрел законно избранного парламента / «великой Советской власти»⁶, «народное восстание в Москве в защиту народовластия»⁷, «переворот в интересах криминального меньшинства»⁸. Гражданская война, которая, по мнению одних, была прекращена превентивным насилием, а по мнению других, состоялась, продолжается в конкуренции нарративов, присутствующих в публичном дискурсе.

⁵ Ельцин 1993б.

⁶ Еркина, Симонин и Ягункова 2013.

⁷ Усов 2018.

⁸ Пичурин 2013.

Как конструируются смысловые рамки памяти о кризисе 1993 г.? Кто, для чего и каким образом использует эту память в меняющемся политическом контексте? Какова динамика продолжающегося символического конфликта? Как он влияет на современные дискуссии о трансформации российской политической системы, в частности об изменении Конституции? В настоящей статье я ишу ответы на эти вопросы, анализируя публикации федеральных печатных СМИ в постъельцинский период. Цель исследования — выявить конкурирующие нарративы, представленные в (1) официальном дискурсе, (2) дискурсах коммунистов и других хранителей памяти защитников Белого дома и (3) дискурсах «демократов»/«либералов» в 2000—2010-х годах⁹. Такая группировка условна, поскольку отражает лишь один из водоразделов, определявших структуру политико-идеологического спектра в рассматриваемый период. Кроме того, политические взгляды «носителей» памяти сторон конфликта эволюционировали, что отчасти проявилось в смене конвенциональных ярлыков: бывших «демократов» со временем стали называть «либералами», а наследники «народно-патриотической оппозиции» 1990-х годов сегодня представляют чрезвычайно пестрый набор позиций, охватывающий и коммунистов, и националистов, и консерваторов¹⁰. Тем не менее выбранная модель анализа позволяет увидеть, какую роль память о «девяностых» играет

⁹ *Обстоятельный анализ начального этапа конструирования памяти об октябре 1993 г. см. Smith 2002.*

¹⁰ См. Малинова 2019, 2020.

в формировании идентичностей современных политических сил и обсуждении текущих политических проблем.

Методология исследования

В политическом дискурсе, как и в историографии, основным форматом репрезентации прошлого является *нарратив* — сюжетно оформленное повествование, предлагающее связную картину цепи исторических событий. В отличие от историографии, политика памяти работает с упрощенными нарративами, которые сводят сложные и противоречивые исторические процессы к удобным для восприятия эмоционально окрашенным схемам. В той мере, в какой такие схемы принимаются в качестве «истинных» и разделяются группой, их можно считать мифами¹¹. В случае политического кризиса 1993 г. мы имеем дело с альтернативными мифами, которые служат основаниями идентичностей разных политических сил.

¹¹ Bottici and Challand 2006.

Исторические нарративы имеют сложносоставную структуру: они складываются из событий-фрагментов, которые могут быть развернуты в самостоятельные сюжетные повествования. Так, кризис 1993 г. может рассматриваться, с одной стороны, как эпизод «большого» нарратива о постсоветском транзите, а с другой — как череда взаимодействий главных и второстепенных акторов. Согласно концепции польского социолога Ежи Топольски, связывание отдельных эпизодов (narrative wholes), образующих горизонтальную проекцию нарратива, происходит на трех уровнях: на уровне информации о фактах, опосредованной воображением историка, на уровне риторики, то есть средств убеждения аудитории в правдоподобности смысловой схемы, и на уровне «политики», или теоретико-идеологических оснований, включающих ценностно-мировоззренческие установки авторов нарратива¹². Соперничающие нарративы могут различаться и набором фрагментов (события, которым придается ключевое значение в одном рассказе, в другом могут опускаться как незначимые), и способом их связывания¹³. При этом решающую роль в формировании нарративов, артикулируемых по горячим следам события, нередко играют именно теоретико-идеологические основания.

¹² Topolski 1999: 202.

¹³ Griffin 1999; Bacon 2012; De Fina 2017.

С учетом вышесказанного, анализируя соперничающие нарративы о кризисе 1993 г., я сосредоточилась на том, как они определяют:

- 1) «смысл» кризиса в контексте «большого» нарратива о постсоветском транзите (*что это было*);
- 2) причины кризиса (*почему это случилось*);
- 3) основных действующих лиц и их роли (*кто виновники, жертвы, герои*);
- 4) последствия и альтернативные сценарии (*как случившееся повлияло на последующие события и что было бы при ином развитии ситуации*).

Публичное вспоминание прошлого в значительной мере подчинено календарной логике — не только коммеморативные ритуалы, но

и медийные дискуссии, как правило, привязаны к годовщинам событий, причем наиболее важными поводами считаются круглые даты. Символизируя увеличивающуюся дистанцию между настоящим и прошлым, юбилеи приглашают к подтверждению их связи. Поэтому в качестве узловых точек для изучения соперничающих нарративов о кризисе 1993 г. были выбраны именно круглые даты — 10-летие, 20-летие и 25-летие кризиса. Исходный замысел заключался в выявлении эволюции нарративов. Однако, как выяснилось, во многих случаях изменения касались аранжировки, но не структуры конкурирующих историй. Этот вывод важен, поскольку он говорит об относительной устойчивости используемых символических конструкций. Вместе с тем диахронический принцип исследования позволил зафиксировать трансформацию практик политического использования памяти о кризисе 1993 г. в меняющемся контексте.

Источниками для исследования послужили статьи и интервью, опубликованные в федеральных печатных СМИ в юбилейные периоды (с сентября по декабрь) 2003, 2013 и 2018 гг. Кроме того, были проанализированы дискуссии о поправках в Конституцию в январе-июне 2020 г. Материалы архива, собранного мною ранее, были дополнены за счет систематического поиска с использованием базы данных «Центральная пресса России» на платформе EastView, включающей около 40 российских центральных газет и еженедельных журналов. Всего в выборку вошли 374 публикации (74 — за 2003 г., 101 — за 2013 г., 85 — за 2018 г., 114 — за 2020 г.). Исследование проводилось методом качественного контент-анализа в программе MAXQDA 2018, которая позволяет формировать систему кодов, извлекать по запросу закодированные фрагменты и анализировать их пересечения. Коды формировались в соответствии с представленной выше схемой изучения нарративов.

**Тема
политического
кризиса 1993 г.
в официальном
дискурсе**

Несмотря на то что Ельцину удалось протащить «конституцию победителей» и тем самым переучредить систему власти, трагический исход конфронтации с Верховным Советом создавал серьезные проблемы для легитимации нового политического режима. Для оправдания действий президента использовались два взаимодополняющих нарратива — о *победе реформаторов над противниками реформ* и о *подавлении вооруженного мятежа, грозившего вылиться в полномасштабную гражданскую войну*.

Нарратив о победе реформаторов опирался на аргументы, которые Ельцин систематически использовал с декабря 1992 г., когда на Съезде народных депутатов он столкнулся с оппозицией курсу реформ, начатых в январе. Отказ депутатов утвердить Егора Гайдара в должности председателя правительства и пролонгировать чрезвычайные полномочия президента Ельцин интерпретировал как попытку реванша «старой партийной номенклатуры», которая «правит бал» на Съезде. «Конституционное» правительство реформаторов противопоставлялось им Верховному Совету как институту, унаследованному от

¹⁴ *Ельцин 1993а.* прежней «командной системы»¹⁴. Это было не вполне справедливо, поскольку комбинация Съезда народных депутатов и Верховного Совета как постоянно действующего органа была продуктом реформирования этой системы (другой вопрос — насколько успешного) и большая часть депутатов Съезда получила свои мандаты в марте 1990 г. в результате конкурентных выборов. Кроме того, не все критики реформ Гайдара были противниками реформ как таковых. Вместе с тем нельзя не признать, что сложившаяся к 1993 г. конструкция власти не способствовала эффективному управлению экономикой, находившейся в глубоком кризисе, и нуждалась в изменении. Борьба за реформы против реванша «старой партийной номенклатуры» была лейтмотивом публичных выступлений Ельцина в период его конфликта с руководством Верховного Совета.

Нарратив о превентивном насилии, призванном предотвратить гражданскую войну, был предложен в телевизионном обращении президента, вышедшем в эфир через два дня после штурма Белого дома. Стараясь оправдать себя и своих соратников, Ельцин представил события 3—4 октября 1993 г. как «вооруженный мятеж, спланированный и подготовленный руководителями бывшего Верховного Совета, бывшим вице-президентом, руководителями ряда партий и общественных организаций» с целью «установления в России кровавой коммуно-фашистской диктатуры»¹⁵. Следует, однако, напомнить, что эскалацию конфликта спровоцировал указ самого Ельцина, а угроза гражданской войны определялась действиями обеих сторон. Более того, хотя стрельбе из танков по Белому дому предшествовали захват мэрии Москвы и штурм Останкино сторонниками Верховного Совета, эти военные операции имели очевидно разный масштаб. Это делало версию об угрозе «кровавой коммуно-фашистской диктатуры» не слишком убедительной. Так или иначе, год спустя, возвращаясь к теме октябрьского кризиса в своем первом президентском послании Федеральному Собранию, Ельцин уже не упоминал о вооруженном мятеже. Он назвал недавние трагические события «политической конфронтацией» и заявил, что теперь, когда «десятки миллионов людей разных взглядов высказались... за Конституцию», «более прочной базы для достижения согласия... в России не найти»¹⁶. Тем самым история о борьбе реформаторов и контрреформаторов получала завершение в Конституции как акте народной воли, который должен положить конец распре элит.

¹⁵ *Ельцин 1993б.*

¹⁶ *Ельцин 1994: 107.*

Впрочем, в наиболее полной версии ельцинской концепции новейшей истории, включенной в его «предвыборное» послание Федеральному Собранию в феврале 1996 г., два нарратива оказались объединены. Кризис 1993 г. интерпретировался в ней как драматическая развязка борьбы «реформаторов и контрреформаторов». Согласно Ельцину, «первые сосредоточились в органах исполнительной власти, вторые — в Советах». Указ от 21 сентября 1993 г. преподносился как «минимально конфликтный вариант» разрешения спора, в рамках которого «высшим судьей предоставлялось быть народу — суверенному источнику власти». В данном

контексте штурм Белого дома изображался как превентивная мера против тех, кто избрал путь «прямой вооруженной конфронтации, ведущей к гражданской войне»¹⁷. Таким образом, история о предотвращенной гражданской войне стала органичным дополнением истории о борьбе реформаторов и противников реформ. Как мы увидим далее, оба нарратива прослеживаются и в позднейших дискурсах «демократов»/«либералов».

С приходом Путина на пост президента эти нарративы исчезли из официального дискурса: преемник Ельцина не считал нужным оправдывать его решения, предпочитая забыть о трагических событиях октября 1993 г. Однако поскольку Конституция, определявшая правовые основы государственности, была продуктом этого кризиса, обстоятельства ее принятия нельзя было игнорировать. До реформы праздничного календаря в 2004 г. день принятия Конституции являлся государственным праздником, в ознаменование которого проводились официальные мероприятия. В дальнейшем 12 декабря стало рабочим днем, но осталось памятной датой, торжества по случаю которой продолжали устраивать в юбилейные годы. Высшим руководителям России не раз приходилось выступать с речами, посвященными Конституции. Это требовало каких-то слов и о кризисе 1993 г.

По понятным причинам основной упор был сделан на историю о принятии Конституции, символизировавшую *исторический выбор российского народа*. В лучшем случае мельком упоминая «непростой период» «политической конфронтации»¹⁸, Путин делал акцент на итогах референдума 12 декабря 1993 г., представляя их как «выбор свободы и реальной демократии, который и сегодня определяет развитие нашего государства»¹⁹. Кризис 1993 г. в его речах служил фоном для принятия Конституции, которое, в зависимости от контекста, выступало символом демократического выбора²⁰, общественного согласия²¹ или «уроком примирения и солидарности для потомков» и способом преодоления «гражданского противостояния начала 90-х»²².

Вместе с тем драматические события 1993 г. хорошо вписывались в образ «трудных девяностых», который на протяжении всего путинского периода играл (и играет) важную роль в легитимации режима, полагающего «стабильность» одним из главных своих достижений²³. Примечательно, что, когда в 2020 г. Путин поставил вопрос об изменении Конституции, обстоятельства ее принятия послужили одним из главных его аргументов: «Конституция была принята уже более четверти века назад в условиях тяжелого внутривнутриполитического кризиса, и положение дел с тех пор кардинально изменилось. Слава богу, у нас теперь нет ни вооруженного противостояния в столице, ни очага международного терроризма на Северном Кавказе»²⁴. Впрочем, когда в дальнейшем Путину потребовалось обосновать «обнуление» количества сроков своего последовательного пребывания в должности президента, он апеллировал именно к недостатку стабильности. По его словам, «внутри страны у нас, к сожалению, многое еще пока, что называется, сделано, как в народе говорят, „на живую нитку“, и пока еще

¹⁷ Ельцин 1996: 25—26.

¹⁸ Путин 2013а.

¹⁹ Путин 2003.

²⁰ Там же.

²¹ Путин 2013а.

²² Путин 2018.

²³ Малинова 2018; Malinova 2020.

²⁴ Путин 2020а.

²⁵ *Путин 2020b.* очень много у нас уязвимо»²⁵. Такой риторический ход, безусловно, не добавляет связности путинскому нарративу о новейшем этапе отечественной истории. Однако это предмет другого исследования.

Завершая анализ репрезентации кризиса 1993 г. в президентском дискурсе, следует отметить, что ни в 1990-х годах, когда Ельцин пытался оправдать свои действия во время кризиса 1993 г., ни в 2000—2010-х годах, когда Путин и Дмитрий Медведев старались приглушить тему событий, которые привели к принятию Конституции, власти не предпринимали попыток увековечить память жертв этой трагедии. Желание забыть о неудобном «моменте основания» нынешнего политического режима проявилось не только в отмене государственного праздника 12 декабря, но и в упорном сопротивлении установке памятника защитникам Белого дома, вопрос о котором не раз поднимали коммунисты. При этом число жертв вооруженных столкновений 3—4 октября 1993 г. по-прежнему остается предметом спекуляций: расследование событий так и не было завершено (после того как в феврале 1994 г. Государственная Дума объявила амнистию защитникам Верховного Совета, следственная группа была распущена), а официальный список погибших, опубликованный Генеральной прокуратурой РФ в 1995 г. (147 человек), многие считают неполным.

Нарративы «носителей» памяти защитников Белого дома

Современные общественные и политические группы, выражающие точку зрения защитников Дома Советов в 1993 г., не составляют единого сообщества памяти. Скорее речь идет о множестве сообществ, стоящих на разных мировоззренческих позициях, что было характерно и для тогдашнего состава Верховного Совета. Что их объединяет, так это однозначно негативная оценка наследия Ельцина и в той или иной степени критическое отношение к режиму Путина. Есть несколько частично пересекающихся сообществ памяти, которые транслируют свои истории в живом общении или через малотиражную литературу, распространяемую преимущественно в собственном кругу. Их деятельность связана, в частности, с коммеморацией жертв штурма телецентра «Останкино» и расстрела Белого дома — созданием самодельных памятников и проведением религиозных и светских ритуалов памяти в дни годовщин трагических событий. Некоторые из этих сообществ «живой» памяти критически относятся к бывшим лидерам Верховного Совета и коммунистам, которые представляют память защитников Белого дома в массмедиа. Отдельные участники таких сообществ издают мемуары и дают интервью журналистам. Создан сайт «Октябрьское восстание 1993 года»²⁶, на котором выложены различные документы и ведется список погибших²⁷. Однако в средствах массовой информации, формирующих медиатизированную память, точку зрения противников Ельцина в 1993 г. артикулируют главным образом те, кто продолжил политическую карьеру и в силу этого имеет доступ к каналам публичной коммуникации. Именно их дискурсы и будут предметом моего анализа.

²⁶ <http://1993.sovmarkom.ru/>.

²⁷ *Последнее обновление датировано июлем 2013 г.; счетчик посещений не работает.*

Эти политики и общественные деятели тоже не составляют единой в идеологическом отношении группы: среди них есть и коммунисты, и русские националисты, и национал-консерваторы. Представительство памяти защитников Белого дома является предметом конкуренции, поскольку не все ее «наследники» поддерживают притязания коммунистов на статус главного ее выразителя. Как известно, Коммунистическая партия РФ была «воссоздана» в феврале 1993 г. в качестве преемницы Коммунистической партии РСФСР, запрещенной после августовского путча 1991 г., и в период политического кризиса не играла существенной роли. Она не была представлена в Верховном Совете, и ее руководство уклонялось от активного участия в конфликте двух ветвей власти, опасаясь новых репрессий. Защитники Белого дома упрекают лидера КПрФ Геннадия Зюганова в том, что он покинул Дом Советов в первые же дни осады. В свою очередь, лидеры КПрФ утверждают, что «невозможно такие события приватизировать»²⁸, и винят бывшего вице-президента Александра Руцкого и экс-председателя Верховного Совета Руслана Хасбулатова в трагическом исходе событий, доказывая, что они провоцировали Ельцина, бросая «людей на разного рода штурмы»²⁹. По их мнению, одной из главных причин поражения Советов была организационная слабость оппозиции, обусловленная тем, что КПрФ еще не успела встать на ноги³⁰.

²⁸ Мельников 2003.

²⁹ Зюганов 2003.

³⁰ Там же.

Нарративы коммунистов и других «носителей» памяти защитников Белого дома имеют немало общего, поскольку все они возлагают вину за случившееся на Ельцина. Вместе с тем между ними есть и очевидные различия (см. табл. 1).

Бывшие лидеры Верховного Совета изображали кризис 1993 г. как *спор внутри реформаторов по поводу курса реформ*. По словам Хасбулатова, «столкнулись две позиции. С одной стороны — законодательная власть и депутатский корпус выступали за движение страны по пути сбалансированной экономики, за социальную ориентацию проводимых в стране реформ, строгое соблюдение законности. С другой стороны — Ельцин и Кремль придерживались „шоковой терапии“, надеясь одним махом решить все проблемы большевистским наскоком»³¹. В то же время ответственность за трагический исход конфликта целиком и полностью возлагалась на Ельцина, его жажду власти, вероломство и пагубные привычки. Согласно Руцкому, Ельцин нарочно провоцировал конфликт, чтобы, получив возможность применить силу, «избежать ответственности за уничтожение СССР, развал экономики, обнуление сбережений граждан в банках»³². Другое часто встречающееся объяснение действий президентской «партии» — желание получить карт-бланш на проведение приватизации. Как утверждал Сергей Глазьев, покинувший правительство Ельцина 21 сентября 1993 г., «Ельцин и те, кто его подталкивал к разгону законно избранного парламента страны, совершили антиконституционный переворот с целью узурпации власти для захвата общенародной собственности»³³.

³¹ Хасбулатов 2003.

³² Руцкой 2018.

³³ Глазьев 2003.

Таблица 1 Нарративы «носителей» памяти защитников Белого дома

<i>Элементы нарратива</i>	<i>Некоммунистические политики и общественные деятели</i>	<i>КПРФ</i>
Смысл кризиса (что это было)	1. Трагический эпизод борьбы за «правильный» курс реформ 2. Борьба за власть, усугубленная личными амбициями 3. Узурпация власти, открывшая путь к приватизации народной собственности коррумпированной элитой	1. Борьба против Советской власти, защищавшей права трудящихся 2. Капиталистическая контрреволюция 3. Государственный переворот, устроенный Ельциным при поддержке Запада
Причины кризиса	1. Неправомерные действия президента, боровшегося за власть 2. Личные недостатки Ельцина как политического лидера	Стремление коррумпированной верхушки к разграблению страны и приватизации народной собственности, для чего требовалось свергнуть Советскую власть
Актеры и их роли	<i>Виновники:</i> Ельцин и его сторонники <i>Герои:</i> защитники Белого дома <i>Жертвы:</i> погибшие при штурме Белого дома	<i>Виновники:</i> Ельцин и его сторонники, Запад <i>Жертвы:</i> русский народ
Последствия	Насильственное разрешение кризиса привело к становлению суперпрезидентского режима, положив конец движению в направлении подлинной демократии	Расстрел Белого дома открыл путь к реставрации капитализма и установлению власти коррумпированного меньшинства

Такая интерпретация причин конфликта преобладала и в нарративе КПРФ, представлявшем кризис *борьбой «преступного меньшинства» против Советской власти* как естественной защитницы интересов трудящихся. «Ельцинская камарилья рвалась поскорее распродать народную собственность в частные руки, — читаем мы у Зюганова. — Эти люди прекрасно понимали, что им не удастся задуманное, если не уничтожить Советскую власть»³⁴. В этой версии антиельцинского нарратива основной упор делался на советскую природу распущенного парламента и действовавшей Конституции, хотя темы узурпации власти и провокации насилия президентской стороной тоже использовались. Штурм Белого дома рассматривался как решающий момент крушения советского государства, что позволяло сочетать классовую трактовку с националистической. Ставя защитников Белого дома в один ряд с парижскими коммунарами и восставшими рабочими,

³⁴ Зюганов 2013.

погибавшими на Пресне в 1905 г., а также «нашими отцами и дедами, защищавшими Советскую власть от фашистов»³⁵, коммунисты вместе с тем обвиняли Ельцина в разрушении советской цивилизации, которая

«была вершиной достижений Российской государственности»³⁶. Националистическую окраску нарративу коммунистов придавало и то, что в числе виновников трагедии фигурировал Запад. Споря с ельцинской трактовкой октябрьских событий как подавления вооруженного мятежа, коммунисты называли их «государственным переворотом, который

был тщательно продуман и подготовлен командой Ельцина и ее зарубежными консультантами»³⁷. В коммунистической прессе можно обнаружить и интерпретации в духе русского национализма. Так, бывший депутат Верховного Совета Юрий Слободкин объявил продавленную Ельциным Конституцию «антирусской», доказывая, что она ущемляет «государственнообразующую нацию страны — русский народ» и позволяет всячески его «третировать»³⁸.

³⁸ Слободкин 2003.

Во всех версиях антиельцинского нарратива негативные результаты постсоветского транзита — «паразитический капитализм», война в Чечне, упадок экономики, бедность, коррупция и т.п. — предстают следствиями трагедии октября 1993 г. При этом если некоммунистические политики и общественные деятели склонны делать упор на ее политические последствия (установление суперпрезидентской власти, блокирующее развитие демократии), то КПРФ как парламентская партия, стремящаяся завоевать голоса избирателей, использует тему кризиса 1993 г. для фронтальной критики действующей власти, которую считает наследницей ельцинского режима.

Сколько-нибудь существенной эволюции выделенных нарративов в 2003—2018 гг. мне обнаружить не удалось. Однако их аранжировка менялась в зависимости от контекста. Это особенно заметно в случае КПРФ: в 2013 г. юбилей трагических событий стал поводом для параллелей с недавним экономическим кризисом, в 2018 г. — с пенсионной реформой.

В дискурсе КПРФ подавление народного восстания в Москве в защиту советской Конституции выступает в качестве *мифа основания ельцинского/путинского режима*, на который можно списать все последующие дефекты и провалы, причем не только национального, но и регионального и даже локального масштаба. В качестве курьезного примера приведу выдержку из отчета о митингах, которые ежегодно организуются 4 октября в Москве и других городах. «Хаос, посеянный во время государственного переворота, продолжается по сей день, — говорилось в одной из речей. — Почти три тысячи деревень псковского края остались без жителей, развалились колхозы и совхозы, промышленные и строительные организации. Псковская область уже живет в долг у государства, который, по прогнозам, в 2016 году превысит собственные доходы областного бюджета. Недавно лишились работы свыше 800 тружеников птицефабрики „Псковская“, которым даже не выдали расчет. В настоящий момент мерзнут сотни тысяч жителей Пскова, им не включают отопление...»³⁹ Рассуждения партийного оратора хорошо

³⁹ Еркина, Симонин и Ягункова 2013.

отражают логику политического использования коммунистического нарратива: события 1993 г. рассматриваются как начало «хаоса», который «продолжается по сей день» (факты добавляются по контексту).

Опираясь на свои организационные ресурсы, КПРФ претендует на роль главного выразителя памяти жертв октябрьского кризиса 1993 г. В понимании коммунистов эта категория включает весь «русский народ», пострадавший от «криминального режима» Ельцина. Как уже отмечалось, не все мнемонические акторы, артикулирующие точку зрения защитников Белого дома, поддерживают эти притязания КПРФ — не только в силу сомнительности ее вклада в события 1993 г., но и потому, что не вполне разделяют ее подходы. Многие озабочены не столько политическим использованием трагедии, сколько установлением истины и увековечиванием памяти жертв.

В 2003 г., в первую круглую годовщину событий, депутаты партии «Конгресс русских общин» Глазьев и Дмитрий Рогозин внесли в Государственную Думу проект меморандума, предусматривавшего создание комиссии по расследованию событий 3—4 октября 1993 г. в Москве, выплату компенсаций семьям погибших и установление государственного Дня памяти защитников Конституции 4 октября⁴⁰. Проект был поддержан коммунистами, но заблокирован большинством Думы. Таким образом, трагические события 1993 г. пока не нашли закрепления в государственной политике памяти, и коммеморация жертв остается делом локальных сообществ памяти и оппозиционных политиков.

⁴⁰ Кривцов 2003.

Нарративы наследников «демократов» 1990-х годов

Дискурс политиков и общественных деятелей, которые в начале 1990-х годов были в лагере «демократов», весьма неоднороден. И это неудивительно, поскольку кризис 1993 г. расколол «демократов». Для некоторых из тех, кто одобрял экономические реформы и в принципе поддерживал Ельцина в его конфликте с Верховным Советом, оказался неприемлем насильственный способ разрешения кризиса. Негативно воспринявших Указ № 1400 от 21 сентября и расстрел Белого дома можно найти во всех партиях и блоках, возникших накануне выборов в Государственную Думу и Совет Федерации в декабре 1993 г. И все же значительная часть «демократов» оставалась в тот период на стороне Ельцина и разделяла легитимирующие нарративы о победе реформаторов над противниками реформ и о подавлении вооруженного мятежа / предотвращении гражданской войны.

Однако с течением времени, по мере того как вектор политического развития все более явно сдвигался к авторитаризму, нарратив о победе реформаторов над противниками реформ утрачивал смысл. В истории о неудавшемся демократическом транзите должен был быть момент, когда «все пошло не так». Для кого-то из «демократов» этим моментом были президентские выборы 1996 г., для кого-то — экономический кризис 1998 г., для кого-то — приход к власти Путина. Приведу слова Сергея Филатова, который в 1993 г. возглавлял администрацию президента.

Рассуждая о «напрасно принесенных» тогда жертвах, он с горечью отмечал: «И это цена, уплаченная за то, чтобы Ельцин удержался на своем месте и защитил демократию. Тогда мы ее защитили и реформы тоже. Но в 1996 году Ельцин пошел на стовор с олигархами, перечеркнув этим все, за что боролись, и сегодня как результат мы двигаемся в направлении управляемой демократии и вертикали власти сильного государства»⁴¹. В понимании многих «демократов», поворотной точкой стали именно события 1993 г., завершившиеся принятием Конституции, наделившей президента огромными властными полномочиями. В исследуемый мною период многие «демократы» 1990-х (теперь, как уже говорилось, их чаще именуют «либералами») рассматривали критикуемый ими путинский режим как следствие распределения власти, которое оформилось благодаря победе Ельцина в 1993 г.⁴²

⁴¹ Филатов 2003.

⁴² См., напр. Фурман 2003; Травма 2003; Вишневский 2018.

Нарративы о событиях 1993 г., представленные в дискурсе современных «либералов», различаются множеством нюансов. Упрощая, их можно свести к двум версиям — апологетической и критической (см. табл. 2).

Таблица 2 Нарративы «демократов»/«либералов»

<i>Элементы нарратива</i>	<i>Апологеты Ельцина</i>	<i>Критики Ельцина</i>
«Смысл» кризиса (что это было)	1. Борьба за реформы против противников их проведения, стремившихся сохранить/вернуть тоталитарный режим и плановую экономику 2. Болезненная, но необходимая адаптация политической системы, в которую внедрялись новые, демократические институты, конфликтовавшие со старыми, советскими	1. Борьба за политический курс 2. Борьба за власть
Причины кризиса	1. Противостояние реформаторов и противников реформ 2. Неготовность лидеров Верховного Совета к компромиссу	Недостатки лидеров с обеих сторон
Актеры и их роли	<i>Виновники:</i> руководство Белого дома <i>Жертвы:</i> погибшие	<i>Виновники:</i> обе стороны <i>Жертвы:</i> погибшие
Последствия кризиса	1. Реформы были продолжены 2. Гражданская война была предотвращена 3. Россия получила самую демократическую Конституцию из всех, которые она когда-либо имела	Способ, которым кризис был разрешен, заблокировал/затруднил демократический транзит, создав несбалансированную систему власти

Как нетрудно заметить, апологетические версии в основном повторяют ельцинские нарративы о борьбе реформаторов и контрреформаторов и подавлении вооруженного мятежа / предотвращении гражданской войны. Примечательны не сами истории, а аргументы, которыми они подкрепляются по прошествии лет. Можно выделить пять типичных способов аргументации, которые могут по-разному комбинироваться.

1. Кризис 1993 г. был эпизодом *революции*, то есть *экстраординарного исторического процесса*. Авторы, отстаивающие эту точку зрения, рассуждают в макросоциологических и исторических категориях («тоталитарная империя атаковала демократическую республику»⁴³; «революция, не нарушающая закон, — это что-то вроде непорочного зачатия»⁴⁴) и часто используют военную терминологию («Ельцин упредил удар»⁴⁵). Эта линия аргументации апеллирует к неприменимости «нормальных» юридических и этических критериев к процессам такого масштаба.

⁴³ Храмчихин 2003.

⁴⁴ Радзиховский 2003.

⁴⁵ Филатов 2003.

2. Нелегкие решения, принятые Ельциным, *позволили продолжить реформы*. Подобная аргументация типична для тех, кто исходит из определяющего значения экономических преобразований для успешного продвижения к свободе и демократии. Как сформулировал Евгений Ясин, «Борис Ельцин нарушил тогдашнюю конституцию, то есть прибег к государственному перевороту. Это позволило удержать курс на реформы и принять новую Конституцию, но создало антидемократический прецедент»⁴⁶. Предполагается, что продолжение реформ — та цель, которая оправдывает антидемократические средства. Проблема в том, что с течением времени стали очевидны изъяны этой посылки.

⁴⁶ Ясин 2003; ср. Дубинин 2003.

3. Силовое разрешение кризиса *не нанесло ущерба демократии* или даже *способствовало ее развитию*. Авторы, прибегающие к такому аргументу, ссылаются на то, что Ельцин не установил диктатуру (хотя мог бы), а объявил выборы в Федеральное Собрание⁴⁷. При этом они нередко подчеркивают, что оппоненты Ельцина придерживались отнюдь не демократических воззрений и в случае их победы политический режим мог оказаться еще хуже⁴⁸. Наконец, некоторые из них справедливо отмечают, что Верховный Совет не был парламентом в полном смысле слова, представляя собой весьма специфический институт, возникший в результате реформирования советской системы как антипода «буржуазного парламентаризма»⁴⁹.

⁴⁷ Третьяков 2003; Радзиховский 2003.

⁴⁸ Радзиховский 2003; Шейнис 2003.

⁴⁹ Храмчихин 2003; Сунгуров и Филина 2018.

4. В ходе кризиса 1993 г. *на стороне Верховного Совета выступали либо ретрограды, стремившиеся сохранить старый режим, либо агрессивные радикалы*. Данная линия аргументации, по сути сводящаяся к стигматизации оппонентов Ельцина, характерна для многих из тех, кто оправдывает его действия. Одной из ее составляющих является апелляция к тому факту, что наиболее активной и заметной частью защитников Белого дома были военизированные праворадикальные группы, которая используется, чтобы продемонстрировать, насколько опасной могла оказаться их победа. «Не надо обладать

большим воображением, чтобы представить, что стали бы творить эти люди, если бы им удалось дорваться до власти, — указывал Виктор Шейнис. — 3 октября в Белом доме царила эйфория близкой победы. И поэтому, когда танки стали бить по верхним этажам Белого дома, очень многие испытали облегчение: смертельная угроза миновала»⁵⁰.

⁵⁰ Шейнис 2003.

5. То, что случилось, было *меньшим из двух зол*. Авторы, использующие этот аргумент, утверждают, что в сложившейся драматической ситуации подавление противников Ельцина было лучшим исходом, нежели их победа. По словам Шейниса, хотя «способ разрешения и особенно завершения схватки нанес тяжкие потери всем — побежденным, победителям, обществу», «не произошло самого худшего — ни гражданской войны, ни перехода власти к коммунистическим и национал-державническим силам»⁵¹. Как заметил Геннадий Бурбулис, «это тот случай, когда Ельцин оказался исторически более прав, чем все остальные»⁵².

⁵¹ Там же.

⁵² Бурбулис 2003.

Апологетические версии нарратива о событиях 1993 г. были особенно выражены в публикациях 2003 г. Позднее, по мере того как направление эволюции путинского режима вырисовывалось все более явно, на первый план в либеральных изданиях вышли материалы, критически оценивавшие действия Ельцина. Критические версии либерального нарратива концентрировались прежде всего на последствиях кризиса 1993 г. для российской политической системы. Немало аналитиков проводило связь между расстрелом Белого дома и войной в Чечне, «где незаконное насилие становилось орудием обеих сторон, образом жизни. И далеко не только в Чечне»⁵³. Многие писали о том, что события 1993 г. нанесли удар по российскому парламентаризму, способствовали становлению «самодержавной» и коррумпированной исполнительной власти⁵⁴, закрепили нецивилизованные методы разрешения конфликтов политических элит⁵⁵.

⁵³ Шейнис 2013.
Ср. Механик 2013:
59; Работяжев
2018.

⁵⁴ Шейнис 2013;
Вишневский 2018.

⁵⁵ Травма 2003;
Макаренко 2013.

К 2018 г. возникла отчетливая тенденция к рассмотрению победы Ельцина в 1993 г. как предпосылки путинского режима. «Хотя сейчас, вероятно, еще не стало общим местом считать, что и путинская система уходит корнями в суровую осень 1993 г., такую точку зрения, по крайней мере, уже не получается считать экзотической», — констатировал Олег Кашин⁵⁶. Действительно, интерпретации кризиса 1993 г. как момента основания путинской системы, прежде характерные для дискурса коммунистов, все чаще можно встретить и в либеральном дискурсе. Впрочем, это не снимает остроты их противостояния, поскольку заочное согласие касается лишь последствий кризиса, но не его причин и оценок действующих лиц. И это неудивительно, ведь политические нарративы об исторических событиях служат обоснованием политических целей, а они у «носителей» памяти о конфликте 1993 г. очевидно разные.

⁵⁶ Кашин 2018.

**Конституция 1993 г.
как наследие
кризиса**

⁵⁷ *Напомню, что этот термин был использован, чтобы обойти действовавший Закон о референдуме, согласно которому правом назначать референдум обладали только Съезд народных депутатов и Верховный Совет. Тот же прием был применен в 2020 г. для легитимации конституционных поправок.*

⁵⁸ Шейнис 2013.

⁵⁹ Шаблинский 2013.

⁶⁰ Четверть века 2018.

⁶¹ Розов 2013; Четверть века 2018; Никитинский 2018.

⁶² Зюганов 2003.

⁶³ Лукьянов 2003; Зюганов 2003, 2018.

⁶⁴ Воронин 2013; Зюганов 2020.

⁶⁵ Проханов и Соловьев 2013.

⁶⁶ *В том числе в марте 2020 г., в контексте работы над поправками.*

Драматические события осени 1993 г. стали прологом к принятию Конституции, которая формально продолжает действовать по сей день, хотя и существенно измененная внесенными в 2020 г. поправками. Ее справедливо называют «конституцией победителей», и это обстоятельство играет важную роль в дискуссиях о ее легитимности и влиянии на политическое развитие России.

Как уже упоминалось, официальный дискурс связывает легитимность Конституции с принятием ее «всенародным голосованием»⁵⁷. И Ельцин, и его преемники подчеркивали, что Конституция спасла страну от угрозы гражданской войны, заложив основы национального единства.

Эти аргументы можно обнаружить и в дискурсе либеральной общестственности, которая ценит демократический потенциал двух первых глав Конституции, но обращает внимание на заложенные в ней авторитарные тенденции. Как сформулировал это Шейнис, «зафиксировав права и свободы на уровне мировых демократических стандартов», Конституция создала систему разделения властей, которая открывала «широкое поле повсеместному нарушению декларированных прав, беззакониям на разных уровнях, распоряжению властью по-феодалному, по-чиновничьи»⁵⁸. Считая изменение Конституции в принципе желательным⁵⁹, представители этого крыла не раз писали о том, сколь опасно «открывать ящик Пандоры», по крайней мере при нынешнем раскладе политических сил (по замечанию Георгия Сатарава, «не этими руками, не в этом состоянии общества»⁶⁰). Многие усматривают в ней «узкий демократический портал в будущее», который следует беречь и защищать⁶¹.

Напротив, коммунисты и национал-патриоты, систематически обращаясь к событиям 1993 г. для укрепления собственного политического капитала, неизменно критикуют Конституцию и твердят о необходимости ее изменения. В дискурсах политических сил, в 1990-х годах принадлежавших к лагерю «народно-патриотической оппозиции», она выступает символом всего плохого в существующем режиме. Как однажды выразился Зюганов, «это не столько правовой документ, сколько подобие целлофанового мешка, который для удушения надели на страну»⁶². Обширный список претензий к Конституции включает и пренебрежение социальными правами трудящихся, и закрепление интересов «олигархата», и «сдачу позиций нашей страны как великой державы», и рецепцию ценностей Запада⁶³. Оппонируя официальному дискурсу, апеллирующему к «всенародному голосованию», коммунистическая пресса указывает на нелегитимность процедуры, посредством которой была принята Конституция⁶⁴. И коммунисты, и нынешние консерваторы видят в Основном законе 1993 г. закрепление порядка, навязанного либералами⁶⁵. Вместе с тем коммунисты, как и некоторые другие парламентские партии (в частности, ЛДПР), резонно критикуют установленное Конституцией разделение властей и ратуют за перераспределение полномочий в пользу парламента. Представители КПРФ (и не только они) не раз вносили в Думу проекты закона о Конституционном собрании⁶⁶, в отсутствие

которого невозможно править первую, вторую и девятую главы Конституции. Однако этот закон так и не был принят.

Несмотря на то что с 2003 г., когда всецело ориентированная на Путина партия «Единая Россия» впервые получила «конституционное большинство» в две трети голосов депутатов Государственной Думы, велись разговоры о возможном изменении Основного закона, сам президент долгое время отвергал эту идею. Поправки в Конституцию вносились, однако на первых порах они касались исключительно ст. 65, в которой перечисляются субъекты Российской Федерации. Первое серьезное изменение, увеличившее сроки полномочий президента и Государственной Думы (до шести и пяти лет соответственно), было внесено в 2008 г. с подачи тогдашнего президента Медведева. В 2013 г. появилось несколько инициатив, затрагивавших текст первой главы Конституции. Так, группа православных общественных деятелей предложила включить в нее упоминание об особой роли православия в становлении России и ее культуры. В свою очередь депутат-единоросс Евгений Федоров подготовил (по-видимому, без согласования с собственной фракцией) предварительный проект закона о поправках, предусматривавший исключение из первой главы положений, устанавливающих запрет на государственную идеологию и провозглашающих общепризнанные принципы и нормы международного права частью правовой системы РФ. Эти инициативы вызвали серьезную дискуссию. Ожидалось, что в послании Федеральному Собранию, запланированном на 12 декабря, в ознаменование 20-летия Конституции, Путин объявит о создании Совета по конституционному законодательству, который сосредоточится на правке Основного закона⁶⁷. Однако этого не произошло: президент подчеркнул, что «конституционный каркас должен быть стабильным», и призвал ограничиться «точечными корректировками» других глав, в частности инициировав объединение Верховного и Высшего арбитражного судов⁶⁸. Тогда же в Конституцию были внесены поправки, предоставлявшие президенту право предлагать кандидатуры прокуроров, а также назначать до 17 членов Совета Федерации.

От принципа «точечных корректировок» отошли в 2020 г., когда в очередном послании Федеральному Собранию Путин предложил пакет конституционных поправок⁶⁹. Анализ этих поправок и процесса их обсуждения — самостоятельная задача, выходящая за рамки настоящей статьи. Отмечу лишь, что, хотя Путин и его администрация формально не отошли от идеи не менять «саму Конституцию, которая своего потенциала далеко не исчерпала»⁷⁰, внесенные в нее изменения не только существенно корректировали полномочия всех ветвей власти, но и удовлетворяли целый ряд «идеологических» пожеланий, включая упоминания о «вере в Бога», «памяти предков», «защите исторической правды», «государствообразующем» русском народе (в связи со статусом русского языка), «браке как союзе мужчины и женщины» и др. Таким образом, несмотря на сохранение первых двух глав, отражавших

⁶⁷ Самарина 2013.

⁶⁸ Путин 2013б.

⁶⁹ *Справедливость подозрений многих аналитиков, полагающих, что их основная цель — обеспечить Путину возможность еще дважды баллотироваться на пост президента за счет «обнуления» предыдущих сроков, подтвердилась двумя месяцами позже.*

⁷⁰ Путин 2020б.

«либеральный дух девяностых», Конституция оказалась дополнена набором установок, которые ассоциируются с недавним «консервативным поворотом».

Примечательно, как в этом контексте изменились практики использования памяти о кризисе 1993 г. Если до недавнего времени к этим событиям апеллировали, чтобы подчеркнуть опасности, связанные с радикальным изменением Конституции, то в 2020 г. их чаще вспоминали по контрасту, объясняя необходимость принятия поправок масштабом произошедших перемен. Вместе с тем ориентация на «точечные корректировки» как альтернативу смене Конституции, породившая явные противоречия между «неизменными» и «корректируемыми» главами, безусловно, подкреплялась страхом перед возможной дестабилизацией, укорененным в трагическом опыте 1993 г.

Превращение «ельцинской» Конституции в «путинскую», вероятно, будет иметь последствия для памяти о событиях 1993 г. — во всяком случае, на уровне официальных практик. Поскольку, как и сама Конституция, поправки были приняты всенародным голосованием, дата их принятия — 1 июля — может оказаться более удобным моментом для прославления основ действующего политического режима. Не случайно в дни подсчета голосов СМИ всячески подчеркивали, что количество проголосовавших за поправки в 2020 г. превысило число поддержавших Конституцию на референдуме в 1993 г. Показательно, что предложение перенести празднование Дня России с 12 июня на 1 июля уже последовало (хотя и не получило пока поддержки)⁷¹. Представляется, впрочем, что вероятность учреждения нового праздника, связанного с «путинской» Конституцией, не слишком велика: достигнув главной цели, власть предпочтет забыть об этой теме, чтобы не провоцировать дальнейшие дискуссии. Однако уверенно можно прогнозировать, что 2020 г. станет символической вехой в официальном нарративе о российском транзите.

⁷¹ В Кремле 2020.

**Политический
дискурс
и общественное
мнение**

Каким образом соперничающие интерпретации событий 1993 г. преломляются в сознании граждан? Проследить, как менялось массовое восприятие этого кризиса, позволяет серия опросов ВЦИОМа/Левада-Центра.

Опрос, проведенный в конце 1993 г., по горячим следам событий, зафиксировал очевидный раскол общественного мнения: соотношение положительных и отрицательных ответов на вопрос об оправданности применения военной силы для достижения контроля над ситуацией во время беспорядков в Москве 3—4 октября составляло 51% против 30%. В дальнейшем, однако, эта пропорция перевернулась: в 1999 г. оправдывали использование военной силы лишь 18% респондентов, тогда как 56% считали его неправомерным. Одновременно заметно смягчилась позиция в отношении руководства Верховного Совета: если в 1993 г. доля возлагавших вину за кризис на Руцкого и Хасбулатова,

стремящихся «любыми средствами сохранить власть», достигала 46%, то в 1999 г. она опустилась до 17%. С 19 до 9% снизилась и доля тех, кто видел причину столкновений 3—4 октября в «готовности коммунистических и экстремистских организаций совершить государственный переворот». Вместе с тем доля связывавших кризис с безответственной политикой Ельцина и его окружения изменилась относительно слабо — с 28% в 1993 г. до 32% в 1999 г. Зато резко выросла доля затруднившихся с ответом — с 14 до 29%⁷². Иными словами, на протяжении 1990-х годов поддержка официальной версии о подавлении «коммунофашистского мятежа» постепенно слабела, отношение к действиям руководства Верховного Совета становилось более мягким, но главной тенденцией было нарастание неопределенности в восприятии событий осени 1993 г.

⁷² *Россияне 2003.*

В 2000—2010-х годах разброс оценок этих событий существенно сократился: в опросах 2006—2016 гг. доля солидаризировавшихся с Ельциным варьировала в диапазоне от 6 до 9%, а доля поддерживавших Верховный Совет колебалась между 10 и 12%. Большинство респондентов придерживалось примирительной позиции, полагая, что в ходе кризиса 1993 г. были неправы обе стороны (28—39%) либо обе они были правы в какой-то мере (16—22%). При этом от 22 до 33% опрошенных затруднялось с ответом⁷³. Отчетливо продемонстрировали данную тенденцию и результаты опроса 2017 г., в рамках которого оценить события 1993 г. предлагалось только тем респондентам, которые заявили, что хорошо или в общих чертах о них знают (18 и 50% от общего числа опрошенных соответственно): одобряющих действия одной из сторон (13% — Ельцина, 16% — Верховного Совета) оказалось значительно меньше, чем занимающих примирительную позицию (не правы ни те, ни другие — 22%; в какой-то мере правы и те, и другие — 27%), при 22% затруднившихся с ответом⁷⁴.

⁷³ *Октябрьский путч 2016.*

⁷⁴ *События 2017.*

Таким образом, данные социологических опросов говорят о том, что на массовом уровне трагические события, в результате которых были заложены основания политической системы современной России, скорее уходят из памяти, чем проблематизируются. Позиция власти, предпочитающей забыть трудную страницу недавнего прошлого и отказывающейся увековечивать память жертв, по-видимому, работает на укрепление этого тренда.

Заключение

Выбор методологии, предполагавшей обстоятельный анализ медийных публикаций в трех юбилейных «точках», был обусловлен стремлением проследить эволюцию соперничающих нарративов о кризисе 1993 г. Выявленная динамика оказалась весьма неравномерной.

Официальный дискурс заметно изменился с приходом Путина на пост президента — нарративы о победе реформаторов над противниками реформ и о подавлении вооруженного мятежа / предотвращении гражданской войны были отброшены, а основное внимание

перенесено на Конституцию как «исторический выбор российского народа». Вместе с тем кризис 1993 г. активно использовался для легитимации текущей политики, поскольку служил ярким примером проблем, которые остались в прошлом. Этот аргумент был центральным при обосновании поправок в Конституцию, инициированных Путиным в 2020 г.

Нарративы, артикулируемые коммунистами и другими «носителями» памяти защитников Белого дома, не претерпели значимых изменений: по мере трансформации контекста менялись не столько истории, сколько их аранжировка. Подобная устойчивость символических конструкций, возможно, объясняется тем, что в указанном идеологическом сегменте события 1993 г. трактуются как «миф основания» современного политического режима. В дискурсе же «демократов»/«либералов» с течением времени произошли некоторые сдвиги: если в 2003 г. в нем преобладали апологетические интерпретации, то спустя 10–15 лет их место заняли критические. В 2018 г. в публикациях представителей этого крыла формирование путинского режима стало отчетливо связываться с исходом кризиса 1993 г. Иначе говоря, налицо тенденция к сближению нарративов либералов и коммунистов в том, что касается последствий кризиса. Однако это не снижает степени противостояния этих дискурсов. Очевидно, что, хотя для массового сознания данная тема утратила злободневность, на уровне элит символический конфликт сохраняет свою остроту. Это обусловлено тем, что события осени 1993 г. являются узловой точкой соперничающих нарративов о постсоветском транзите, на которые опираются идентичности современных политических сил.

Библиография

- Ассман А. (2014) *Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика*. М.: Новое литературное обозрение.
- Бурбулис Г. (2003) «Ельцин оказался исторически более прав» // *Известия*, 3.10.
- «В Кремле не обсуждали перенос Дня России на 1 июля». (2020) // *Известия*, 8.07. URL: <https://iz.ru/1032941/2020-07-08/v-kremle-ne-obsuzhdali-perenos-dnia-rossii-na-1-iiulia> (проверено 14.08.2020).
- Вишневский Б. (2018) «Мятеж победителей. К дискуссии о 25-летию октябрьских событий 1993 года» // *Новая газета*, 3.10. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2018/10/02/78038-myatezh-pobediteley> (проверено 11.08.2020).
- Воронин Ю. (2013) «Подлог вместо основного закона» // *Правда*, 12.12.
- Глазьев С. (2003) «Мы могли бы жить в два раза лучше» // *Аргументы и факты*, 1.10.
- Дубинин С. (2003) «Конституция и реванш» // *Время новостей*, 11.12.
- Ельцин Б.Н. (1993а) «Обращение Президента Российской Федерации» // *Красная звезда*, 23.03.

- Ельцин Б.Н. (1993b) «Обращение Президента Российской Федерации» // *Красная звезда*, 7.10.
- Ельцин Б.Н. (1994) *Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию: Об укреплении российского государства (Основные направления внутренней и внешней политики)*. М.: б.и. URL: <https://yeltsin.ru/archive/paperwork/12590/> (проверено 9.08.2020).
- Ельцин Б.Н. (1996) *Послание Президента Российской Федерации: Россия, за которую мы в ответе (О положении в стране и основных направлениях политики Российской Федерации)*. М.: б.и. URL: <https://yeltsin.ru/archive/paperwork/12592/> (проверено 9.08.2020).
- ЕРКИНА А., В.СИМОНИН И Л.ЯГУНКОВА. (2013) «Память о погибших в наших сердцах» // *Правда*, 8.10.
- Зюганов Г. (2003) «Не простим, не допустим!» // *Советская Россия*, 7.10.
- Зюганов Г. (2013) «Покончить с наследием расстрельной команды» // *Правда*, 20.09.
- Зюганов Г. (2018) «Мы сражались за Советскую Родину» // *Правда*, 21.09.
- Зюганов Г. (2020) «Основным закон не зря зовется» // *Советская Россия*, 23.01.
- КАШИН О. (2018) «День рождения Путина. Сегодня — 25 лет Указу номер 1400» // *Republic (Slon)*, 21.09. URL: <https://republic.ru/posts/92133> (проверено 11.08.2020).
- КРИВЦОВ С. (2003) «Постскрипtum к октябрю-1993» // *Комсомольская правда*, 8.10.
- ЛУКЬЯНОВ А. (2003) «Конституция горя народного» // *Правда*, 15.12.
- МАКАРЕНКО Б. (2013) «Нешоковые реформаторы белодомовской элиты» // *Независимая газета*, 4.10.
- МАЛИНОВА О.Ю. (2018) «Обоснование политики 2000-х годов в дискурсе В.В.Путина и формирование мифа о „лихих девяностых“» // *Политическая наука*, № 3: 45—69.
- МАЛИНОВА О.Ю. (2019) «Конструирование смысловых рамок памяти о реформах 1990-х гг. в либеральном дискурсе 2000-х гг.» // *Южно-российский журнал социальных наук*, № 3: 91—105.
- МАЛИНОВА О.Ю. (2020) «Тема „лихих девяностых“ в дискурсах российских коммунистов и национал-патриотов» // *Вестник Пермского университета. Политология*, т. 14, № 2: 53—63.
- МЕЛЬНИКОВ И. (2003) «Один из шагов, которые привели к авторитарной власти» // *Газета*, 3.10.
- МЕХАНИК А. (2013) «Уроки Октября» // *Эксперт*, № 39: 56—60.
- НИКИТИНСКИЙ Л. (2018) «Дни Конституции» // *Новая газета*, 7.12.
- «Октябрьский путч 1993 года». (2016) // *Левада-Центр*, 4.10. URL: <https://www.levada.ru/2016/10/04/oktyabrskij-putch-1993-goda/> (проверено 15.08.2020).
- ПИЧУРИН Л. (2013) «Метили в Конституцию» // *Советская Россия*, 12.11.

Проханов А. и В.Соловьев. (2013) «Интеллигенция: кто она» // *Завтра*, 27.11.

Путин В.В. (2003) *Выступление на приеме, посвященном 10-летию принятия Конституции Российской Федерации*. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/22251> (проверено 4.07.2020).

Путин В.В. (2013а) *Выступление на торжественном концерте, посвященном 20-летию Конституции Российской Федерации*. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/19827> (проверено 4.07.2020).

Путин В.В. (2013б) *Послание Президента Федеральному Собранию*. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/19825> (проверено 14.08.2020).

Путин В.В. (2018) *Выступление на торжественном приеме в честь 25-летия Конституции России*. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/59392> (проверено 4.07.2020).

Путин В.В. (2020а) *Послание Президента Федеральному Собранию*. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/messages/62582> (проверено 11.08.2020).

Путин В.В. (2020б) *Выступление на пленарном заседании Государственной Думы по вопросам внесения поправок в Конституцию Российской Федерации*. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/62964> (проверено 11.08.2020).

Работяжев Н. (2018) «Вторая октябрьская трагедия XX века» // *Независимая газета*, 25.09.

Радзиховский Л. (2003) «Конец революции» // *Российская газета*, 3.10.

Розов Н. (2013) «Основной Закон: Конституция и режим несовместимы» // *Ведомости*, 11.12.

«Россияне о событиях 3–4 октября 1993 года: 10 лет спустя». (2003) // *Левада-Центр*, 30.09. URL: <https://www.levada.ru/2003/09/30/press-vypusk-3-gossiyane-o-sobytyiah-3-4-oktyabrya-1993-goda-10-let-spustya/> (проверено 15.08.2020).

Руцкой А. (2018) «Все обещали не допустить силового варианта, но предали» // *Известия*, 3.10.

Самарина А. (2013) «Кремль заглянул в 2024 год» // *Независимая газета*, 12.12.

Слободкин Ю.М. (2003) «Блеск и нищета Конституции РФ» // *Советская Россия*, 11.12.

«События 3–4 октября 1993 года в Москве». (2017) // *Левада-Центр*, 3.10. URL: <https://www.levada.ru/2017/10/03/sobytiya-3-4-oktyabrya-1993-goda-v-moskve/> (проверено 15.08.2020).

Сунгуров А. и О.Филина. (2018) «Игра в нолики» // *Огонек*, № 37: 8.

«Травма российской демократии: как Октябрь 1993 года повлиял на характер политики в стране». (2003) // *Независимая газета*, 4.10.

Третьяков В. (2003) «Октябрь 1993-го» // *Российская газета*, 2.10.

Усов В.М. (2018) «Пепел черного октября стучит в сердцах» // *Советская Россия*, 20.09.

- Филатов С. (2003) «Это была смертельная схватка за власть» // *Россия*, 2.10.
- Фурман Д. (2003) «„Демократы“ и „реакционеры“» // *Московские новости*, 30.09.
- Хасбулатов Р. (2003) «После расстрела парламента Россия идет по тупиковой парадигме» // *Россия*, 2.10.
- Храмчихин А. (2003) «Последний бой» // *Профиль*, 15.09.
- «Четверть века с одной Конституцией: не пора ли менять? (Опрос экспертов)». (2018) // *Новые известия*, 12.12. URL: <https://newizv.ru/news/politics/12-12-2018/chetvert-veka-s-odnoy-konstitutsiey-ne-pora-li-menyat-opros-ekspertov> (проверено 13.08.2020).
- Шаблинский И. (2013) «Конституционные поправки: надуманные и назревшие» // *Независимая газета*, 15.10.
- Шейнис В. (2003) «Октябрь 1993-го: конец переходной эпохи» // *Независимая газета*, 7.10.
- Шейнис В. (2013) «Возможности, которые мы упустили» // *Независимая газета*, 4.10.
- Ясин Е. (2003) «Демократы, на выход!» // *Московские новости*, 11.11.
- Wason E. (2012) «Public Political Narratives: Developing a Neglected Source through the Exploratory Case of Russia in the Putin-Medvedev Era» // *Political Studies*, vol. 60, no. 4: 768–786.
- Bottici Ch. and B.Challand. (2006) «Rethinking Political Myth: The Clash of Civilizations as a Self-Fulfilling Prophecy» // *European Journal of Social Theory*, vol. 9, no. 3: 315–336.
- De Fina A. (2017) «Narrative Analysis» // Wodak R. and B.Forchtner, eds. *The Routledge Handbook of Language and Politics*. London: Routledge: 233–246.
- Griffin L.J. (1999) «Narrative, Event-Structure Analysis, and Causal Interpretation in Historical Sociology» // *American Journal of Sociology*, vol. 98, no. 5: 1094–1133.
- Malinova O. (2020) «Framing the Collective Memory of the 1990s as a Legitimation Tool for Putin’s Regime» // *Problems of Post-Communism*. DOI: 10.1080/10758216.2020.1752732.
- Schöpflin G. (1997) «The Functions of Myth and a Taxonomy of Myths» // Hosking G. and G.Schöpflin, eds. *Myths and Nationhood*. New York: Routledge: 19–35.
- Smith K.E. (2002) *Mythmaking in the New Russia: Politics and Memory during the Yeltsin Era*. Ithaca, London: Cornell University Press.
- Topolski J. (1999) «The Role of Logic and Aesthetics in Constructing Narrative Wholes in Historiography» // *History and Theory*, vol. 38, no. 2: 198–210.

O.Yu.Malinova
**MEMORY ABOUT THE 1993 CRISIS
 AND EMERGENCE
 OF THE RUSSIAN CONSTITUTION
 IN THE POLITICAL DISCOURSE
 OF 2000–2010s**

Olga Yu. Malinova — Doctor of Philosophy; Professor at the School of Politics and Governance, Faculty of Social Sciences, National Research University *Higher School of Economics*; Chief Researcher at the Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences. Email: omalinova@mail.ru.

Abstract. The article continues the project devoted to framing the memory of the “nineties” in the Russian political discourse. It examines one of the most dramatic moments in the history of the post-Soviet transformation — the political crisis of 1993, which resulted in adopting the Constitution that formally is still in use today. The author examines the process of framing the memory of the events of 1993, analyzing publications of the federal print media in the post-Yeltsin period. She focuses on three time periods that reflect different stages in the development of the Russian polity — the tenth, twentieth and twenty-fifth anniversaries of the crisis, which makes it possible to trace the evolution of the revealed narratives.

The analysis shows a noticeable change in the official discourse when V.Putin became a President — the narratives proposed by B.Yeltsin about the victory of the reformers over the counter-reforms and the suppression of an armed rebellion / prevention of civil war were discarded, while the main attention shifted to the Constitution as a “historic choice of the Russian people”. At the same time, Putin uses the dramatic events of 1993 to emphasize the current “stability”, which is supposed to be the main achievement of his rule. The narratives articulated by the communists and other successors of the memory of the defenders of the White House have not undergone significant changes. The author explains it by the fact that for this ideological segment the events of 1993 represent a “myth of the foundation” of Putin’s regime. In liberal discourse, critical versions of the crisis narrative eventually trumped the apologetic ones. In recent years it has become especially clear that liberals and communists tend to converge on their interpretation of the consequences of the crisis (but not its causes or the assessments of the actors). However, the symbolic conflict that plays an essential role in constructing their political identities still remains.

Keywords: collective memory, political narrative, 1993 political crisis, Constitution of the Russian Federation, communists, liberals

References

- Assman A. (2014) *Dlinnaja ten' proshlogo: Memorial'naja kul'tura i istoricheskaja politika* [Long Shadow of the Past: Memorial Culture and Politics of History]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russ.)
- Bacon E. (2012) "Public Political Narratives: Developing a Neglected Source through the Exploratory Case of Russia in the Putin-Medvedev Era" // *Political Studies*, vol. 60, no. 4: 768–786.
- Bottici Ch. and B.Challand. (2006) "Rethinking Political Myth: The Clash of Civilizations as a Self-Fulfilling Prophecy" // *European Journal of Social Theory*, vol. 9, no. 3: 315–336.
- Burbulis G. (2003) "Yeltsin okazalsja istoricheski bolee prav" [Yeltsin Turned to Be More Right from a Historical Perspective] // *Izvestia*, 3.10. (In Russ.)
- "Chetvert' veka s odnoj Konstitutsiej: ne pora li menjat'? (Opros ekspertov)" [A Quarter of a Century with the Same Constitution: Isn't It Time to Change It? (Interviews with the Experts)]. (2018) // *Novye Izvestia*, 12.12. URL: <https://newizv.ru/news/politics/12-12-2018/chetvert-veka-s-odnoy-konstitutsiej-ne-pora-li-menyat-opros-ekspertov> (assessed on 13.08.2020). (In Russ.)
- De Fina A. (2017) "Narrative Analysis" // Wodak R. and B.Forchtner, eds. *The Routledge Handbook of Language and Politics*. London: Routledge: 233–246.
- Dubinin S. (2003) "Konstitutsija i revansh" [The Constitution and the Revenge] // *Vremya Novostei*, 11.12. (In Russ.)
- Filatov S. (2003) "Eto byla smertel'naja skhvatka za vlast'" [It Was a Mortal Fight for Power] // *Rossija* [Russia], 2.10. (In Russ.)
- Furman D. (2003) "„Demokraty“ i „reaksionery“" ["The Democrats" and "the Reactionaries"] // *Moskovskie Novosti*, 30.09. (In Russ.)
- Glaziev S. (2003) "My mogli by zhit' v dva raza luchshe" [We Could Live Twice as Well] // *Argumenty i Fakty*, 1.10. (In Russ.)
- Griffin L.J. (1999) "Narrative, Event-Structure Analysis, and Causal Interpretation in Historical Sociology" // *American Journal of Sociology*, vol. 98, no. 5: 1094–1133.
- Kashin O. (2018) "Den' rozhdenija Putina. Segodnja — 25 let Ukazu nomer 1400" [Putin's Birthday. Today Is the 25th Anniversary of Decree Number 1400] // *Republic (Slon)*, 21.09. URL: <https://republic.ru/posts/92133> (assessed on 11.08.2020). (In Russ.)
- Khazbulatov R. (2003) "Posle rasstrela parlamenta Rossija idet po tupikovoj paradigme" [After the Shooting of the Parliament Russia Is Following the Wrong Paradigm] // *Rossija* [Russia], 2.10. (In Russ.)
- Khramchikhin A. (2003) "Poslednij boj" [The Last Fight] // *Profile*, 15.09. (In Russ.)
- Krivtsov S. (2003) "Postskriptum k oktjabrju-1993" [Postscript to October 1993] // *Komsomolskaya Pravda*, 8.10. (In Russ.)
- Lukianov A. (2003) "Konstitutsija gorja narodnogo" [The Constitution of People's Sorrow] // *Pravda*, 15.12. (In Russ.)

Makarenko B. (2013) “Neshokovye reformatory belodomovskoj elity” [The Non-Shock Reformers from the White House Elite] // *Nezavisimaya Gazeta*, 4.10. (In Russ.)

Malinova O. (2018) “Obosnovanie politiki 2000-kh godov v diskurse V.V.Putina i formirovanie mifa o „likhikh devjanostykh“” [Justifying the Political Course of the 2000s and Constructing the Myth about “the Hard Nineties” in the Vladimir Putin’s Discourse] // *Politicheskaja nauka* [Political Science], no. 3: 45–69. (In Russ.)

Malinova O. (2019) “Konstruirovanie smyslovykh ramok pamjati o reformakh 1990-kh gg. v liberal’nom diskurse 2000-kh gg.” [Framing Memory about the Reforms of the 1990s in the Liberal Discourse in the 2000s] // *Juzhno-rossijskij zhurnal sotsial’nykh nauk* [South-Russian Journal of Social Sciences], no. 3: 91–105. (In Russ.)

Malinova O. (2020) “Framing the Collective Memory of the 1990s as a Legitimation Tool for Putin’s Regime” // *Problems of Post-Communism*. DOI: 10.1080/10758216.2020.1752732.

Malinova O. (2020) “Tema „likhikh devjanostykh“ v diskursakh rossijskikh kommunistov i natsional-patriotov” [The Issue of “the Turbulent 1990s” in Discourses of Russian Communists and National-Patriots] // *Vestnik Permskogo Universiteta. Politologija* [Bulletin of Perm University. Political Science], vol. 14, no. 2: 53–63. (In Russ.)

Mekhanik A. (2013) “Uroki Oktjabrja” [The Lessons of October] // *Expert*, no. 39: 56–60. (In Russ.)

Melnikov I. (2003) “Odin iz shagov, kotorye priveli k avtoritarnoj vlasti” [One of the Steps that Led to the Authoritarian Rule] // *Gazeta*, 3.10. (In Russ.)

Nikitinsky L. (2018) “Dni Konstitutsii” [The Constitution Days] // *Novaya Gazeta*, 7.12. (In Russ.)

“Oktjabr’skij putch 1993 goda” [The Putsch of October 1993]. (2016) // *Levada-Tsentr* [Levada-Center], 4.10. URL: <https://www.levada.ru/2016/10/04/oktyabrskij-putch-1993-goda/> (assessed on 15.08.2020). (In Russ.)

Pichurin L. (2013) “Metili v Konstitutsiju” [They Aimed at the Constitution] // *Sovetskaya Rossiya*, 12.11. (In Russ.)

Prokhanov A. and V.Soloviev. (2013) “Intelligentsija: kto ona” [Intelligentsia: Who Is It?] // *Zavtra*, 27.11. (In Russ.)

Putin V.V. (2003) *Vystuplenie na prieme, posvjashchennom 10-letiju prinjatija Konstitutsii Rossijskoj Federatsii* [Speech at the Reception Dedicated to the 10th Anniversary of the Constitution of the Russian Federation]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/22251> (assessed on 4.07.2020). (In Russ.)

Putin V.V. (2013a) *Vystuplenie na torzhestvennom kontserte, posvjashchennom 20-letiju Konstitutsii Rossijskoj Federatsii* [Speech at the Gala Concert Dedicated to the 20th Anniversary of the Constitution of the Russian Federation]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/19827> (assessed on 4.07.2020). (In Russ.)

Putin V.V. (2013b) *Poslanie Prezidenta Federal'nomu Sobraniju* [Presidential Address to the Federal Assembly]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/19825> (assessed on 14.08.2020). (In Russ.)

Putin V.V. (2018) *Vystuplenie na torzhestvennom prieme v chest' 25-letija Konstitutsii Rossijskoj Federatsii* [Speech at the Solemn Reception in Honor of the 25th Anniversary of the Constitution of the Russian Federation]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/59392> (assessed on 4.07.2020). (In Russ.)

Putin V.V. (2020a) *Poslanie Prezidenta Federal'nomu Sobraniju* [Presidential Address to the Federal Assembly]. URL: <http://en.kremlin.ru/events/president/transcripts/messages/62582> (assessed on 11.08.2020). (In Russ.)

Putin V.V. (2020b) *Vystuplenie na plenarnom zasedanii Gosudarstvennoj Dumy po voprosam vnesenija popravok v Konstitutsiju Rossijskoj Federatsii* [Speech at the Plenary Session of the State Duma on Amendments to the Constitution of the Russian Federation]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/62964> (assessed on 11.08.2020). (In Russ.)

Rabotyazhev N. (2018) “Vtoraja oktjabr'skaja tragedija XX veka” [The Second October Tragedy of the Twentieth Century] // *Nezavisimaya Gazeta*, 25.09. (In Russ.)

Radzikhovsky L. (2003) “Konets revoljutsii” [The End of the Revolution] // *Rossiiskaya Gazeta*, 3.10. (In Russ.)

Rozov N. (2013) “Osnovnoj Zakon: Konstitutsija i rezhim nesovmestimy” [The Main Law: The Constitution Is Not Compatible with the Regime] // *Vedomosti*, 11.12. (In Russ.)

“Rossijane o sobytijakh 3—4 oktjabrja 1993 goda: 10 let spustja” [The Russians about the Events of 3—4 October 1993: 10 Years Later]. (2003) // *Levada-Tsentr* [Levada-Center], 30.09. URL: <https://www.levada.ru/2003/09/30/press-vypusk-3-rossijane-o-sobytyah-3-4-oktyabrya-1993-goda-10-let-spustya/> (assessed on 15.08.2020). (In Russ.)

Rutskoy A. (2018) “Vse obeshchali ne dopustit' silovogo varianta, no predali” [Everybody Promised Not to Allow Using Force, but Betrayed] // *Izvestia*, 3.10. (In Russ.)

Samarina A. (2013) “Kremľ zagljanul v 2024 god” [The Kremlin Glanced in 2024] // *Nezavisimaya Gazeta*, 12.12. (In Russ.)

Schöpflin G. (1997) “The Functions of Myth and a Taxonomy of Myths” // Hosking G. and G.Schöpflin, eds. *Myths and Nationhood*. New York: Routledge: 19—35.

Shablinsky I. (2013) “Konstitutsionnye popravki: nadumannye i nazrevshie” // *Nezavisimaya Gazeta*, 15.10. (In Russ.)

Sheinis V. (2003) “Oktjabr' 1993-go: konets perekhodnoj epokhi” [October of 1993: The End of the Transition Era] // *Nezavisimaya Gazeta*, 7.10. (In Russ.)

Sheinis V. (2013) “Vozmozhnosti, kotorye my upustili” [The Opportunities That We Missed] // *Nezavisimaya Gazeta*, 4.10. (In Russ.)

Slobodkin Yu.M. (2003) “Blesk i nishcheta Konstitutsii RF” [The Shine and Poverty of the Constitution of the Russian Federation] // *Sovetskaya Rossiya*, 11.12. (In Russ.)

Smith K.E. (2002) *Mythmaking in the New Russia: Politics and Memory during the Yeltsin Era*. Ithaca, London: Cornell University Press.

“Sobytiya 3—4 oktjabrja 1993 goda v Moskve” [Events of October 3—4, 1993 in Moscow]. (2017) // *Levada-Tsentr* [Levada-Center], 3.10. URL: <https://www.levada.ru/2017/10/03/sobytiya-3-4-oktyabrja-1993-goda-v-moskve/> (assessed on 15.08.2020). (In Russ.)

Sungurov A. and O.Filina. (2018) “Igra v noliki” [Playing Zero] // *Ogonek*, no. 37: 8. (In Russ.)

Topolski J. (1999) “The Role of Logic and Aesthetics in Constructing Narrative Wholes in Historiography” // *History and Theory*, vol. 38, no. 2: 198—210.

“Travma rossijskoj demokratii: kak Oktjabr’ 1993 goda povlijal na kharakter politiki v strane” [The Trauma of Russian Democracy: How Did October of 1993 Affect the Nature of Politics in the Country]. (2003) // *Nezavisimaya Gazeta*, 4.10. (In Russ.)

Tretyakov V. (2003) “Oktjabr’ 1993-go” [October of 1993] // *Rossii-skaya Gazeta*, 2.10. (In Russ.)

Usov V.M. (2018) “Pepel chernogo oktjabrja stuchit v serdtsakh” [Black October Ashes Hammers in Our Hearts] // *Sovetskaya Rossiya*, 20.09. (In Russ.)

“V Kremle ne obsuzhdali perenos Dnja Rossii na 1 ijulja” [Transferring the Russia Day for 1 July Was Not Discussed in the Kremlin]. (2020) // *Izvestia*, 8.07. URL: <https://iz.ru/1032941/2020-07-08/v-kremle-ne-obsuzhdali-perenos-dnia-rossii-na-1-iiulia> (assessed on 14.08.2020). (In Russ.)

Vishnevsky B. (2018) “Mjatezh pobeditelej. K diskussii o 25-letii oktjabr’skikh sobytij 1993 goda” [The Revolt of Victors: On the Discussion about the 25th Anniversary of the October 1993 Events] // *Novaya Gazeta*, 3.10. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2018/10/02/78038-myatezh-pobediteley> (accessed 11.08.2020). (In Russ.)

Voronin Yu. (2013) “Podlog vmesto osnovnogo zakona” [Forgery Instead of the Basic Law] // *Pravda*, 12.12.. (In Russ.)

Yasin Ye. (2003) “Demokraty, na vykhod!” [Democrats, Go Out!] // *Moskovskie Novosti*, 11.11. (In Russ.)

Yeltsin B.N. (1993a) “Obrashchenie Prezidenta Rossijskoj Federatsii” [Address by the President of the Russian Federation] // *Krasnaya Zvezda*, 23.03. (In Russ.)

Yeltsin B.N. (1993b) “Obrashchenie Prezidenta Rossijskoj Federatsii” [Address by the President of the Russian Federation] // *Krasnaya Zvezda*, 7.10. (In Russ.)

Yeltsin B.N. (1994) *Poslanie Prezidenta Rossijskoj Federatsii Federal’nomu Sobraniju: Ob ukreplenii rossijskogo gosuderstva (Osnovnye napravlenija vnutrennej i vneshnej politiki)* [Presidential Address to the

Federal Assembly: On Strengthening of the Russian State (Main Directions of Domestic and Foreign Policy)]. Moscow: s.n. URL: <https://yeltsin.ru/archive/paperwork/12592/> (assessed on 9.08.2020). (In Russ.)

Yeltsin B.N. (1996) *Poslanie Prezidenta Rossijskoj Federatsii Federal'nomu Sobraniju: Rossija, za kotoruju my v otvete (O polozhenii v strane i osnovnykh napravlenijakh politiki Rossijskoj Federatsii)* [Presidential Address to the Federal Assembly: Russia, for Which We Are Responsible (About the Situation in the Country and the Main Policy Directions of the Russian Federation)]. Moscow: s.n. URL: <https://yeltsin.ru/archive/paperwork/12592/> (assessed on 9.08.2020). (In Russ.)

Yerkina A., V.Simonin, and L.Yagunkova. (2013) “Pamjat’ o pogibshikh v nashikh serdtsakh” [The Memory of the Dead Is in Our Hearts] // *Pravda*, 8.10. (In Russ.)

Zyuganov G. (2003) “Ne prostim, ne dopustim!” [We Will Not Forgive, We Will Not Forget!] // *Sovetskaya Rossiya*, 7.10. (In Russ.)

Zyuganov G. (2013) “Pokonchit’ s naslediem rasstrel’noj komandy” [End the Legacy of the Firing Squad] // *Pravda*, 20.09. (In Russ.)

Zyuganov G. (2018) “My srazhalis’ za Sovetskiju Rodinu” [We Fought for the Soviet Motherland] // *Pravda*, 21.09. (In Russ.)

Zyuganov G. (2020) “Osnovnym zakon ne zrja zovetsja” [The Law Is Named the Basic One not Just Occasionally] // *Sovetskaya Rossiya*, 23.01. (In Russ.)